

Илья Мурович и чудище

Было у нас во Царё-граді
Наехало проклятоё чудишшо.
Да сам ведь как он семи аршин,
Голова у его да как пивной котел,
А ножишша как-быть лыжишша,
Да ручишша да как-быть граблишша,
Да глазишша да как-быть чашишша.
У царя Костянтина Атаульевича
Сковали у его да ноги резвые
Тема же жалезами немецкима,
А связали его да руки белые
Тема же опутьями шолковыма,
Кнегину Опраксею в полон взяли.
Во ту пору да во то времечко
Перепахнула вестка за реку-Москву,
Во тот же как ведь Киёв-град
К тому же ведь да к Ильи Муровичу:
— Да ой еси ты, Илья Мурович!
Уж ты знаёшь ли, про то ведаёшь?
Помёркло у нас да соньцо красное,
Потухла звезда да поднебесная:
И нынче у нас во Царе-граде
Наехало проклятое чудишшо;
А сам как он из семи аршин,
Голова его да как пивной котел,
А ножишша как-быть лыжишша,
А ручишша как-быть граблишша.
А глазишша как-быть чашишша.
У царя Костянтина Атаульевича
Сковали у его да ноги резвы же
Тема жа жалезами немецкима,
Связали его руки белые
Тема же опутьями шолковыма,
Кнегину Опраксею в полон взяли.

Да тут же ведь да Илья Мурович
Надевает он тут платье цветное,
Выходит на середу кирпичнею,
Молитсе спасу пречистому,
Да божьей матери, богородице.
Пошел Илья на конюшон двор
И берет как своего добра коня,
Добра коня со семи цепей;
Накладывает уздицу тасмяною,
Уздат во уздилица булатные,
Накладывает тут ведь войлучек,
На войлучек он седельшко;
Подпрягал он двенадцать подпруженёк,
Ишша две подпружки подпрягаются
Не ради басы, да ради крепости,
Не сшиб бы богатыря доброй конь,
Не оставил бы богатыря в чистом поли.
Да скоро он скачет на добра коня;
У ворот приворотников не спрашивал
(Они думали, поедет воротами),
Да он машот через стену городу жа.
Едет он по чисту полю, —
Во чистом-то поли да курева стоят,
В куревы-то богатыря не видети.
Да ехал он день до вечера,
А темну-то ночь до белая свету,
Не пиваючи он да не едаючи,
Добру коню отдоху не даваючи.
Конь-от под им как подпинаться стал.
Бьет он коня и по тучным ребрам:
— А волчья сыть, травяной мешок!
А што тако подпинаишьсе,
Надо мной, над богатырем надсмехаишьсе?
А конь скочил, — за реку перескочил.
А прошло три дороги широких-е,
А не знат Илья, да куда ехать.
А во ту пору, во то времечко
Идет как калика да перехожая,
Перехожа калика безымянная.

Говорит как тут да Илья Мурович:

— Уж ты здравсвуёшь, калика перехожая,
Перехожа калика безымянная!

А где ты был, да ты куда пошел?

Отвечает калика да перехожая,
Перехожа калика да безымянная:

— Я иду ведь тут из Царя-града,
Я пошел ведь тут во Киёв-град.

Говорил как тут да Илья Мурович:

— Уж ты ой еси, калика перехожая,
Перехожа калика безымянная!

А што у вас да во Царё-гради?

Ишша всё ли у вас там по-старому,
Ишша всё ли у вас там по-прежнему?

Говорит как калика перехожая,
Перехожа калика безымянная:

— Уж ты ой еси, да Илья Мурович!

А у нас ведь нынь во Царё-гради

Не по-старому, не по-прежнему;

А потухло у нас сонцё красное,

А помёркла звезда поднебесная:

Как наехало проклятоё чудишшо;

Ишша сам как он семи аршин,

Голова его как пивной котел,

А и ножишша как-быть лыжишша,

А и ручишша как-быть граблишша,

А и глазишша как-быть чашишша.

У царя Константина Атаульевича

Ишша скованы ноги резвые

А тема жа жалезами немецкима,

Ишша связаны руки белые

А-й темá опутьями шолкóвыма.

Говорит как тут Илья Мурович:

— Уж ты ой еси, калика перехожая,

Перехожа калика безымянная!

Ишша платьем с тобой мы поменяимсе:

Ты возьми у мня платье богатырскоё,

А отдай мне платьё калицькое.

Говорит как калика перехожая:

— Я бы не взял платья богатырского,
Я бы не отдал платья калицкого,
А едино у нас солнышко на неби,
А един у нас могут богатырь —
А староб казак да Илья Мурович;
А с тобой с Ильей дак и слова нет.

Они платьём тут да поменялисе,
Ишше тут же ведь Илья Мурович
Он ведь скинул платьё богатырское,
А одел себе платье калицкое
И оставил калики добра коня.

Он ведь сам пошел тут каликою:
Ишша клюцкой идё подпиратсе,
Ишша клюцка под им изгибаетсе.

Говорит тут Илья Мурович:

— Не по мне ета клюцка и кована,
Ишша мало жалеза ей складено,
Ишша сорок пуд во единый фунт.

(Не худой, видно, сам был).

А идет как калика да по Царю-граду;
А скрыцал как он да по-калицкому,
Засвистел как он по-богатырскому, —
А проклятоё тут чудишшо
Оно чуть сидит на лавици.
И та же калика перехожая
А идет ведь к чудишшу в светлу гридню.
Он ведь молитсе спасу пречистому,
Он ведь божьей матери, богородици,
А сидит проклятоё чудишшо,
А сидит оно ведь на лавици,
Ишша сам как он семи аршин,
Голова его как пивной котел,
Ишша ножишша как-быть лыжишша,
Ишша ручишша как-быть граблишша,
Ишша глазишша как-быть чашишша.
Говорит как проклятое чудишшо:
— Уж ты ой еси, калика перехожая!
Уж ты где ты был, куды ходил?
— Уж я был во городи во Киеви

У стара казака да Ильи Муровича.

Говорит как тут ведь ишше чудишшо:

— А каков у вас и могут богатырь,
Ишша стар казак да Илья Мурович?

Говорит калика перехожая,

Перехожа калика безымянная:

— А таков у нас могут богатырь,
Ишша стар казак да Илья Мурович:

А в один мы день с им родилисе,
А в одной мы школы грамоты училисе,
А и ростом он такой, как я.

Говорит проклятоё чудишшо:

— Ишша много ли он хлеба к выти съес<т>?

Говорит калика перехожая:

— От ковриги краюшечку отрушаёт,
А и той краюшкой троё сутки живет.

Говорит проклятое чудишшо:

— По сторублевому быку да я ведь к выти ем!

Говорит как калика перехожая,

Перехожа калика да безымянная:

— У нас у попа была коровушка обжориста.
Да много жорила, ей и рóзорвало!

Говорит проклятое чудишшо:

— Я и буду в городе в Киеви,
Ишше буду я как баран тусён,
Как баран тусён, как сокол есён;
Стару казака да Илью Муровича
На долóнь посажу, другой рóсхлопну, —
У его только и мокро пойдё.

Стоит как калика перехожая,

Он сумаё шляпочку воскрыньцату,
Он и взгрел чудишша по буйной главы.

Покатилась голова, как пивной котел.

Тут ведь пáвелы и юлáвелы,

Ишше та его сила неверна жа,

И схватили тут да Илья Муровича,

А сковали его ноги резвы жа

А-й тема жалезами немецкима,

А связали его руки белы жа

Тема же опутьями шолкóвыма.
Говорит как тут да Илья Мурович:
— Уж ты спас, уж ты спас многомилослив,
Уж ты божья мать, богородица!
Уж вы што на меня да ек прогневались?

Приломал все жалеза немецкие,
Он прирвал опутьни шолкóвые;
Он ведь стал по силы тут похаживать,
Он ведь стал ту силу поколачивать,
Он прибил их всех до единого.
Ишша ихны те ведь тулова
Он выкидыват окошечком на улочку,
Ишша сам он им приговариват:
— А пушшай ваши те ведь тулова
А-й серым волкам на розрываньё,
А черным воронам на росклёваньё,
Ишша малым робятам на изрыганьё.

У царя Константина Атаульевича
Росковал у его да ноги резвые,
Розвязал у его руки белые,
А кнегину Опраксею назад ведь взял,
Посадил он их тут на царство жа.
А пошел как тут да Илья Мурович,
А приходит он ко меньшóй реки
Ко тому калики перехожаё.
Ишша тут калика перехожая,
Перехожа калика безымянная
И не можот он его конем владать,
А его коня в поводú водит.
Они платьём тут розменялисе:
Ишша тот ведь да Илья Мурович
Он ведь скинул платьё калицькоё.
Он одел ведь платье богатырское.
Ишша тут они разъезжалисе,
Ишша они тут рспрошшалисе;
А Илья поехал домой ведь тут,
А калика пошел, куды надомно.

(Записано О. Э. Озаровской в 1915 году от пинежской сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой.)

О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Изд. 2-е, М., 1922.